

Белинский А.В.¹, © Хорольская М.В.²

«Перестройка» или тактика на службе стратегии? Женский вопрос в программах и практиках праворадикальных популистов ведущих стран Западной Европы

Аннотация. В статье рассматривается эволюция гендерной политики праворадикальных популистов в Западной Европе. Отмечается, что изначально крайне правые силы занимали достаточно консервативные позиции в отношении взаимоотношений полов, прав женщин и т.д. Однако ряд болезненных электоральных поражений и приход нового поколения политиков фактически вынудили правопопулистские партии Старого Света провести ревизию своих программ, в том числе по гендерным вопросам. Стремясь завоевать сердца женской половины электората, «новые» правые дали «зеленый свет» молодым женщинам-политикам, которые должны были символизировать обновление правого лагеря, а заодно привлечь голоса избирательниц. Однако реальная гендерная политика праворадикальных популистов едва ли претерпела существенные изменения. Признавая формальное равенство полов, «новые» правые замалчивают или отрицают

---

¹ Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН; belinskii_andrei@mail.ru

² Хорольская Мария Витальевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, ИМЭМО РАН; khorolskaja.marya@yandex.ru

проблемы дискриминации женщин (неравенство оплаты труда, домашнее насилие и т.д.).

При этом нужно отметить, что крайне правые партии ЕС нередко используют лозунги защиты прав женщин для борьбы с миграцией и политическим исламом. Так, после нападения мигрантов в новогоднюю ночь в Кёльне в 2016 г. правопопулистские партии организовали шумную кампанию в различных городах, направленную против нелегальной миграции и политики канцлера А. Меркель.

Ключевые слова: праворадикальный популизм, гендерная политика, права женщин, «Национальное объединение», Австрийская партия свободы, «Альтернатива для Германии».

Трубы Иерихона и лагерь спартанцев

Наряду с «войной, торговлей и пиратством»¹ управление государственными делами на протяжении многих сотен лет было «a priori» закреплено за мужчинами, а появление женщин в большой политике было обусловлено либо царственным происхождением (Елизавета I, Мария-Терезия, Екатерина Великая), дававшим их обладательницам право на престол, либо исключительными обстоятельствами (Жанна д'Арк). Однако даже в этих случаях и королевский двор, и государственный аппарат, и армия оставались, в соответствии с тогдашними представлениями о разделении общественных и социальных ролей, освещенными авторитетом римско-католической церкви, исключительно мужским доменом: «Quae sunt Caesaris Caesaris»².

Ситуация стала постепенно меняться с того момента, как 14 июля 1789 г. рухнула знаменитая королевская тюрьма Бастилия, над Францией раскатисто пронесся лозунг «Свобода, равенство и братство», а идеи расширения гражданских прав и свобод стали завоевывать все больше сторонников на европейском континенте. Но даже после того, как над континентом пронесся вихрь Наполеоновских войн, в начале – середине долгого XIX столетия женщины были лишены политических и в значительной мере граждан-

---

¹ «Война, торговля и пиратство – три вида сущности одной» – слова Мефистофеля, обращенные к Фаусту.

² Кесарю – кесарево (лат.).

ских прав; социальные перегородки и предрассудки были еще слишком сильны в европейском обществе.

Однако «иерихонские трубы» – движение суфражисток¹, гражданских активистов и ряда политических партий – постепенно разрушали воздвигаемые на протяжении веков «стены» из правовых ограничений, консервативной общественной морали и противодействия власти имущих. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии даровала женщинам избирательные права, в 1928 г. парламент Великобритании последовал этому примеру, а спустя несколько десятилетий в большинстве европейских стран женщины были полностью уравнены в правах с мужчинами, и политические партии и государственные учреждения, пусть и постепенно, открыли им свои двери.

И вот уже в социал-демократических (Г. Меир), а затем и консервативных партиях (М. Тэтчер, А. Меркель) женщины постепенно стали завоевывать себе «место под солнцем», становясь депутатами парламента, министрами и даже главами правительств².

В стремительно меняющемся мире, последовательно испытывавшем в конце XX – начале XXI в. ряд революций (технологическую, информационную, политическую), своеобразным «спартанским лагерем» оставались партии националистического и популистского толка. Прижатые в правом углу к канатам политического ринга либеральными СМИ и центристскими партиями, эти силы упорно выступали за традиционное разделение ролей между полами, отказывая женщинам в праве вершить судьбы страны. «Для нее [матери М. Ле Пен. – А. Б.] отец был превыше всего, даже превыше нас... Она делала все, чтобы вылечить его, успокоить, последовать за ним» [Ле Пен, 2016, с. 32], – вспоминала впоследствии лидер «Национального объединения» (бывший «Национальный фронт» (НФ)), а на тот момент «всего лишь» дочь

---

¹ Суфражистки – участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав в Западной Европе и США в XIX – начале XX в.

² В этом отношении весьма показательна политическая карьера А. Меркель, которая, сумев преодолеть сопротивление маститых оппонентов, стала сначала председателем ХДС, а затем и канцлером ФРГ.

Ж.-М. Ле Пена, бывшего десантника, политического хулигана и вечного возмутителя общественного спокойствия во Франции.

И действительно, за долгие годы пребывания Ж.-М. Ле Пена у штурвала НФ (1972–2015) французские крайне правые и словом, и делом демонстрировали свою непоколебимую приверженность ультраконсервативным принципам в отношении семьи, роли женщины и т.д. Наряду с председателем партии хранителем традиционных ценностей в «Национальном фронте» считался Бернард Антони, представлявший его традиционалистское, католическое крыло.

Эти представления нашли свое отражение как в программных документах «Национального фронта» 1980–1990-х годов, так и в публичных высказываниях его лидера, который никогда не боялся открыто «бросать перчатку» сложившемуся в стране общественному консенсусу, как, впрочем, и власть имущим. Так, в 1996 г. Ж.-М. Ле Пен прямо заявил, что женщина не вольна в своих действиях и поступках, поскольку «принадлежит нации и природе» (цит. по: [Scrinzi, 2017, p. 90]). Манифесты и программные документы крайне правых также обходили глухим молчанием проблемы женщин и равенства полов в различных сферах, оставляя за прекрасным полом только одну роль – хранительницы домашнего очага. Такая позиция НФ была обусловлена в первую очередь тем, что краеугольным камнем партийной идеологии была антииммиграционная повестка, которая задавала тон по всем политическим азимутам, включая и семейную политику. В условиях характерного для Франции (как, впрочем, и многих европейских стран) постоянного притока мигрантов из стран Северной Африки (Тунис, Алжир, Марокко) и Ближнего Востока (Турция) повышение рождаемости среди коренного населения представлялось лидерам НФ первостепенной задачей.

Ничто не могло заставить неукротимого ветерана французской политики, сменившего красный десантный берет на строгий деловой костюм, изменить свои взгляды в данном вопросе, отойти от своих позиций («Hier stehe ich, ich kann nicht anders»¹). Даже в

---

¹ «На том стою и не могу иначе» (нем.) – слова М. Лютера на Вормском съезде церковных иерархов.

начале 2000-х годов, когда «Национальный фронт» сумел добиться серьезных успехов на политическом поприще, его бессменный лидер по-прежнему придерживался старомодных политических взглядов, что автоматически исключало какую-либо модернизацию партийных скрижалей.

Впрочем, в правом лагере Старого Света взгляды Ж.-М. Ле Пена на положение женщин в обществе были отнюдь не политической экзотикой, а, можно сказать, обыденностью. Так, в программе Национал-демократической партии Германии (НДПГ), ведущей свою «родословную» от крайне правой западногерманской Социалистической имперской партии, было недвусмысленно указано: «НДПГ исповедует тезис о существовании различий между мужчиной и женщиной, не отрицая при этом их одинаковую ценность, и, исходя из этого, отвергает противоречащую законом природы гендерную политику, ставшую мэйнстримом в нашем обществе» [Das Parteiprogramm..., 2013, S. 12].

Но даже в тех случаях, когда женщины, то ли по воле его величества случая, то ли по благосклонности партийных бонз, допускались на верхнюю палубу партийного корабля, его штурвал по-прежнему находился в руках мужчин. Однако в начале 2000-х годов звуки «иерихонских труб» докатились и до крайне правого лагеря, вызвав панику и смятение в одной его части, интерес и надежду – в другой.

Весна 2002 г. выдалась во Франции жаркой – не столько из-за солнечной погоды, сколько из-за президентских выборов, до предела накаливших общественную обстановку. Вчерашний пария, хулиган и экстремист Ж.-М. Ле Пен неожиданно вышел во второй тур, оставив за бортом гонки умудренного опытом премьер-министра Франции Л. Жоспена. И лишь «республиканский фронт», стихийно созданный из сторонников действующего президента Ж. Ширака, социалистов и левых, сумел остановить марш французских крайне правых.

Однако даже весной-летом 2002 гг. любому не ангажированному наблюдателю было очевидно, что «лебединая песня» лидера НФ фактически является началом конца его политической карьеры. И действительно, несмотря на оглушительный успех в первом

туре, второй раунд противостояния отчетливо продемонстрировал, что большинство населения по-прежнему отрицательно относится к «Национальному фронту». Это было особенно очевидно при анализе распределения голосов женщин. Лишь 14,8% французенок отдали в 2002 г. свой голос Ж.-М. Ле Пену¹ [Amengay, Du-rovic, Mayer, 2017, p. 9].

В середине 2000-х годов Австрийская партия свободы (АПС), которая на протяжении нескольких лет была младшим партнером консерваторов по правительственной коалиции, утратила и власть, и бывшее влияние, а НДПГ, еще в 1990-е годы переживавшая ренессанс, осталась одна в политической пустыне. В 2011 г. в Италии распалась правящая коалиция правых партий, возглавлявшаяся ветераном политических баталий С. Берлускони. Было очевидно, что европейские «новые» правые остро нуждаются в новой стратегии, которая позволила бы им расширить электоральную базу за счет привлечения новых слоев населения. И здесь представляется целесообразным сделать небольшое отступление, чтобы проанализировать политические предпочтения женского электората в странах Старого Света.

У популизма не женское лицо

Как правило, для всех политических сил характерно стремление к расширению своей электоральной базы. Соответственно, в условиях конкурентной демократической борьбы партиям важна поддержка и мужской, и женской половины избирателей. Не стали исключением и «новые» правые, которые в начале 2000-х годов попытались привлечь голоса женщин.

Нужно отметить, что в электоральных предпочтениях мужчин и женщин существуют различия, так называемый «гендерный разрыв» (англ. gender gap), издавна привлекающий внимание политологов [Giger, 2009, p. 475]. Особенно отчетливо эта тенденция заметна в Германии, политическом и экономическом флагмане ЕС.

---

¹ Правда, нужно признать, что, по сравнению с выборами 1980–1990-х годов, число женщин, голосовавших за «Национальный фронт», увеличилось почти в полтора раза.

В первые 20 лет существования Федеративной Республики Германия женский электорат преимущественно поддерживал правоцентристскую консервативную партию Христианский демократический союз (ХДС), в то время как основными избирателями левоцентристской Социально-демократической партии Германии (СДПГ) и либеральной Свободной демократической партии (СвДП) были мужчины. Подобные консервативные взгляды избирательниц исследователи объясняли более тесной связью женщин с церковью, а также тем, что, в отличие от ГДР, немки в Западной Германии чаще занимались домашним хозяйством, а не работали. К тому же в конце 1960-х годов возрастной состав избирателей весьма различался: среди женщин было больше представительниц более старшего возраста (военное поколение) [Hofinger, Ogris, 1996, S. 212]. Аналогичным образом выглядела ситуация в Австрии и Франции.

С ростом женской занятости возросла и поддержка избирательницами левых сил. В 1970-е годы на федеральных выборах гендерный разрыв в поддержке «народных» партий (ХДС / ХСС и СДПГ) уменьшился, но либеральная СвДП по-прежнему сохраняла популярность у мужской половины. На выборах 1980 и 1983 гг. (а также в 2002, 2005, 2021 гг.) социал-демократы получили большую поддержку женского электората. Важно отметить, что СДПГ расширила свою повестку и наряду с идеей о поддержке рабочего класса стала выступать за гендерное равенство.

С середины 1970-х годов и до середины 2000-х годов разница в голосовании женщин и мужчин за христианских демократов была невелика. Доля женского электората ХДС / ХСС резко возросла в 2005–2017 гг., что, вероятно, во многом было связано с тем, что пост главы партии (и канцлера ФРГ) занимала Ангела Меркель. Следует отметить, что с уходом Меркель из политики в 2021 г. снизилась и поддержка христианских демократов женским электоратом. В течение всего этого времени правоцентристская консервативная ХДС / ХСС также менялась вместе со своим избирателем – консерваторы писали о необходимости принимать меры против домашнего и сексуального насилия, поддерживали закон о квотах

для женщин на руководящих должностях, выступали против разрыва в пенсиях и зарплатах.

В 1980-е годы новая и еще достаточно радикальная Партия зеленых пользовалась преобладающей поддержкой мужчин, однако с 1990-х годов, когда она стала более умеренной политической силой, и до настоящего времени за партию «Союз 90 / Зелёные» голосуют значительно больше женщин. «Союз 90 / Зелёные» уделяет особое внимание достижению гендерного равенства, поддерживает систему квот для женщин (и придерживается ее в своей структуре), продвигает законопроекты, направленные на снижение разницы в оплате труда женщин и мужчин, выступает за усиление борьбы с насилием, направленным против женщин.

Идеи феминизма – важная часть риторикилевой партии. Тем не менее «Левая», как и ее предшественница Партия демократического социализма (ПДС), традиционно получает больше голосов мужского электората.

Правопопулистская «Альтернатива для Германии» (АдГ) с момента своего первого появления на федеральных выборах в 2013 г. пользуется значительно большей поддержкой мужского электората. При этом радикализация партии на волне миграционного кризиса привела к уменьшению разрыва: в 2017 г. – 15% мужчин и 9% женщин, а в 2021 г. – 12% мужчин и 8% женщин голосовали за правых популистов. Расхождения в поддержке сохраняются и на земельном уровне [Umfrage..., 2017 ; Wer wählte..., 2021].

Таким образом, за последние 70 лет электоральные предпочтения женщин в ФРГ значительно изменились. Ранее женский электорат в большей степени, чем мужской, выступал за консервативные правоцентристские силы. Но со временем увеличилась доля женщин, голосующих за левоцентристов: с 1970–1980-х годов больше женщин стало голосовать за СДПГ, с 1990-х годов женщины преобладают в электорате партии «Союз 90 / Зелёные». При этом находящиеся на краях политического спектра Левая партия и правопопулистская АдГ пользуются большей поддержкой мужчин. Одновременно изменились и программные установки старых ведущих партий. Все они подчеркивают важность достижения гендерного равенства.

Австрийские выборы показывают схожую картину. В первые десятилетия после окончания Второй мировой войны женщины в большей мере отдавали свое предпочтение правоцентристской Австрийской народной партии (АНП), в то время как Социал-демократическая партия Австрии (СДПА) была более популярна у мужчин. Перелом наступил в 1975 г., когда СДПА получила 55% женских голосов и 49% мужских, а АНП – 40% женских и 44% мужских голосов [Hofinger, Ogris, 1996, S. 214].

Во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов существенных различий в предпочтениях женской и мужской частей австрийского электората не было. Расхождения начались с 1986 г., что было связано с существенным креном вправо Австрийской партии свободы (АПС), которую возглавил Й. Хайдер, а также выходом на авансцену «Зелёных» [ibid., S. 215].

Результаты выборов 2019 г. свидетельствуют о сохранении тренда: расхождения в голосовании мужчин и женщин за центристские партии незначительны (за АНП проголосовали 38% мужчин и 36% женщин, за СДПА – по 22% с обеих сторон), но существует гендерный разрыв в поддержке крайне левых и крайне правых сил (за правопопулистскую АПС голосуют 21% мужчин и только 11% женщин; «Зелёных» поддерживают 17% женщин и 10% мужчин; либеральная партия «Новая Австрия и Либеральный форум» (НАЛФ) получает голоса 5% мужчин и 11% женщин) [Mohr, 2022].

Таким образом, в электоральных предпочтениях женщин и мужчин в ФРГ и Австрии имеются как сходства, так и различия. Немецкие и австрийские избирательницы в 1940–1960-х годах поддерживали консервативные правоцентристские партии, а с 1970-х годов больше женщин стало голосовать за левоцентристские силы. Различие заключается в том, что в Австрии либеральная партия НАЛФ получает больше голосов избирательниц, а в Германии СвДП традиционно пользуется большей поддержкой мужчин. Правоцентристская ХДС / ХСС в Германии в 2005–2017 гг. была популярнее у женского электората, что вероятно, объяснялось присутствием во главе партии А. Меркель. При этом общим для обеих стран является значительное преобладание мужчин в элек-

торате правых партий (АдГ и АПС) и женщин в электорате «зеленых» партий.

Соответственно, чтобы обеспечить себе голоса женской части электората, правые партии должны учитывать следующие факторы: большую поддержку женщинами левоцентристских сил, меньшую поддержку радикальных объединений, возможные симпатии к кандидату-женщине, а также внимание политических сил к проблеме гендерного равенства. Все эти факторы оказали влияние на повестку правых популистов в середине 2010-х годов.

Новые люди

Первой «ласточкой» давно назревших перемен в правом лагере стало постепенное увеличение числа женщин на руководящих должностях в правопопулистских партиях («Национальный фронт», «Альтернатива для Германии», Австрийская партия свободы, итальянские «новые» правые). «Смена вех» в крайне правом лагере происходила отнюдь не безболезненно и нередко приводила к маленьким трагедиям, как это было в случае с семьей Ле Пен, где конфликт между олицетворявшими консервативное и модернистское течения внутри партии отцом и дочерью завершился разрывом отношений. Праворадикальный популизм во Франции начал приобретать новое лицо – более открытое, дружелюбное и... более женское.

И в других странах Старого Света женщины стали все чаще занимать руководящие посты в президиумах и парламентских фракциях, а то и возглавлять партии. В соседней с Францией Италии Дж. Мелони вышла из тени политических тяжеловесов С. Берлускони и М. Сальвини и в 2012 г. основала собственную партию «Братья Италии», которую спустя десять лет привела к власти.

В Австрии Урсула Хаубнер, старшая сестра знаменитого возмутителя спокойствия европейских столиц Й. Хайдера, в 2004–2005 гг. занимала пост председателя Австрийской партии свободы. И хотя сияние славы и влияние брата несколько затмевали ее авторитет, однако сам факт появления в «третьем лагере» страны женщины-политика свидетельствовал если не о масштабных пе-

ременах внутри АПС, то о постепенной смене политической «розы ветров».

Созданная на волне кризиса еврозоны в мае 2013 г. «Альтернатива для Германии» поначалу стремилась максимально дистанцироваться от правых радикалов, что, в частности, проявилось в выдвижении женщин на руководящие посты в партии и парламентских комиссиях. А фигуры эмансипированных сопредседателей партии – Ф. Петри, а затем А. Вайдель – стали своего рода прекрасным «алиби» для АдГ, стремившейся подчеркнуть свое реноме: солидная партия, стоящая на принципах демократии.

Даже в Восточной Европе, традиционно считавшейся «медвежьим углом» праворадикального популизма и цитаделью ультраконсервативных ценностей, женщины (пусть и с негласного благословения партийного руководства) все чаще стали появляться в парламентских фракциях, партийных президиумах и даже, как это было в Польше, занимать кресло премьер-министра.

Как мы видим, в последнее время количество женщин в правопопулистских партиях Старого Света – как в партийном руководстве, так и в целом, – существенно увеличилось. А некоторые из них, как М. Ле Пен и Дж. Мелони, сумели сделать говокружительную карьеру и стать безоговорочными лидерами в своих партиях [Белинский, 2022]. Но означало ли увеличение числа женщин в парламентских фракциях и на руководящих постах праворадикальных популистских партий кардинальную смену политики в женском вопросе? Чтобы дать однозначный ответ на данный вопрос, нам необходимо углубиться в изучение партийных программ, детально проанализировать громкие избирательные кампании «Национального объединения» или «Альтернативы для Германии», заглянуть за кулисы партийных собраний.

Права женщин или права на женщин?

«Альтернатива для Германии»

«Альтернатива для Германии», основанная в 2013 г. на волне европейского долгового кризиса, поначалу объединяла критиков финансовой политики ЕС и помощи южно-европейским странам. Поэтому в первой предвыборной программе новая партия не рас-

смаатривала гендерные вопросы, уделяя особое внимание идее о возвращении ФРГ к немецкой марке. Однако в 2014–2015 гг. в АдГ сформировалось национально-консервативное крыло во главе с Ф. Петри и А. Гауландом, влияние которого резко усилилось с началом миграционного кризиса. С тех пор в риторике партии сочетаются неолиберальные идеи, антиисламские высказывания и консервативная повестка – защита «традиционных немецких ценностей» и семьи.

Тем не менее для получения голосов избирательниц АдГ сейчас не обходит вниманием и женский вопрос, стремясь соединить его с консервативной повесткой. Перечислим основные положения ее риторики по этому вопросу.

Во-первых, в своих программах АдГ поддерживает тезис о равенстве мужчин и женщин. При этом партия исходит из формального равенства, зафиксированного в Основном законе ФРГ, но обходит молчанием проблемы, связанные с тем, что в Германии женщины по-прежнему менее представлены в политических и бизнес-элитах, получают менее высокую зарплату и т.п. «Альтернатива для Германии» отвергает необходимость принятия каких бы то ни было мер, направленных на повышение доли женщин на руководящих должностях. В частности, АдГ выступает против гендерных квот, считая, что они противоречат третьей статье Основного закона, гласящей, что «никто не должен быть дискриминирован или получать привилегии на основании своего пола», а также подрывают свободу работодателей в выборе сотрудников [Moritz, 2023].

Во-вторых, на официальном уровне «Альтернатива для Германии» признает право женщин выбирать свой собственный путь в жизни, но при этом обвиняет левые силы в том, что они стремятся оказывать давление на немок, говоря о карьере как о единственном достойном жизненном пути. АдГ считает, что следует проявлять большее уважение к женщинам, выбравшим традиционные ценности и занимающимся воспитанием детей. В своей риторике партия уделяет большое внимание увеличению рождаемости, поддержке материнства, защите традиционных форм семьи – отец, мать и дети. Представители АдГ утверждают, что традиционная модель семьи является наилучшей для женщин даже с

финансовой точки зрения и в Германии нужно поддерживать именно ее, «а не детские сады с группами полного дня». Партийная программа предусматривает продвижение ряда социальных мер (ранний выход на пенсию многодетных родителей, поддержка молодых семей), направленных на поддержку института семьи [Grundsatzprogramm..., 2016].

В-третьих, «Альтернатива для Германии» выступает под лозунгами защиты женщин, но игнорирует проблему домашнего насилия, домогательств или нападений на улице со стороны немцев и поднимает вопросы, связанные исключительно с угрозой со стороны мигрантов или с угнетением женщин в исламских семьях (например, женское обрезание), стремясь объединить женский вопрос с антиисламской риторикой.

В-четвертых, партия критикует гендерные исследования, считая их ненаучными. В то время как левоцентристские политические силы чаще всего заявляют, что значительная часть отличий между мужчинами и женщинами обусловлена различной гендерной (культурной) социализацией – воспитанием, стереотипами, общественными ожиданиями, – «Альтернатива для Германии», напротив, утверждает, что биологический пол влияет на многие аспекты поведения и именно на основе биологических отличий формируются культурные нормы.

Несмотря на принимаемые партийным руководством меры, в АдГ по-прежнему состоят меньше женщин, чем в других крупных партиях, – по данным на 2021 г., только 18,7% [Anteil der Frauen..., 2023]. Еще ниже доля женщин во фракции АдГ в Бундестаге – только 10,2% [Abgeordnete..., 2021].

Консерватизм своей гендерной политики АдГ пыталась компенсировать яркими фигурами в руководстве партии. Одной из лидеров партии с 2013 г. была Фрауке Петри, но в 2017 г. она покинула АдГ в связи с внутрипартийной борьбой. В 2017 г. ведущим кандидатом от «Альтернативы для Германии» на выборах в Бундестаг вместе с Александром Гауландом стала Алис Вайдель. Ее изначально считали нетипичной представительницей АдГ, и поэтому казалось, что партия предложила ее кандидатуру, чтобы смягчить свой радикальный имидж и расширить электоральную базу.

А. Вайдель – открытая лесбиянка и воспитывает детей вместе со своей официальной партнершей, швейцаркой родом из Шри-Ланки. Пара долго жила в Швейцарии, где и платила налоги. Частная жизнь Вайдель, без сомнения, – ее личное дело, но она явно противоречит идеологии, которую пропагандирует АдГ. Представляется, что «Альтернатива для Германии» использует биографию А. Вайдель не только чтобы продемонстрировать собственную «толерантность», но и чтобы показать, что меньшинства не нуждаются в особой поддержке со стороны государства (в частности, А. Вайдель не поддержала закон о легализации однополых браков, хотя уклончиво сказала, что семья – это союз, где есть дети). То же относится и к женскому вопросу – на выборах 2021 г. Алис Вайдель с плакатов сообщала, что поддерживает АдГ, так как в этой партии можно достичь успеха и без гендерных квот.

Австрийская партия свободы

Как и многие крайне правые организации, Австрийская партия свободы, созданная в 1956 г., на протяжении многих лет была мужской цитаделью, где последнее слово всегда оставалось за членами студенческих корпораций – буршеншафтов¹. До начала 1970-х годов в верхних эшелонах АПС не было ни одной женщины, и только в 1974 г. было принято решение выделить одно место для женщин в федеральном президиуме партии. Ситуация стала меняться с начала 1980-х годов после избрания лидером партии Норберта Штегера (1980–1986), представлявшего либеральное крыло. С 1983 г. число женщин на руководящих постах в АПС устойчиво растет. Начало было положено с появлением во фракции АПС в Национальном совете Австрии первой женщины-депутата – Хелен Партик-Пабле. В 1988 г. генеральным секретарем АПС была избрана Хайде Шмидт, а к концу 1990-х годов количество женщин-депутатов от АПС в Национальном совете постепенно увеличилось до 20%. Впрочем, партийное руководство по-прежнему с подозрением относится к выделению квот для женщин, видя в этом

---

¹ Так называются студенческие объединения в Австрии и Германии. Большинство руководителей АПС – выходцы из буршенишафтов.

инициированное левыми силами «гендерное безумие» (нем. Genderwahn), и абсолютное большинство постов в АПС находится в руках мужчин.

Что же касается гендерной политики АПС, то детальный анализ партийных документов, лозунгов избирательных кампаний и законодательных инициатив, позволяет сделать вывод о том, что внутри австрийского «третьего лагеря» женский вопрос никогда не рассматривался как единое целое. Правильнее было бы говорить о различных аспектах данной темы, которые партийные лидеры с той или иной частотой используют в своей риторике.

Ключевое место в гендерной риторике АПС, безусловно, занимает защита семьи, что обусловлено как демографическими проблемами, характерными для многих европейских стран, так и притоком в Европу мигрантов из стран Ближнего Востока, которые, по единодушному мнению праворадикальных популистов, представляют смертельную угрозу для Старого Света. Вместе с тем акцент на поддержке семьи как важнейшей ячейки общества определяет и роль женщины в нем. Хотя лидеры АПС неоднократно подчеркивали свою формальную приверженность принципу равенства полов, закрепленному в Конституции¹, реальные шаги австрийских праворадикальных популистов в этой области свидетельствовали об обратном.

Пребывание у власти правительства «бирюзово-синей» коалиции² (2000–2005) характеризовалось сохранением неравенства в оплате труда полов, увеличением частичной занятости среди женщин и т.д. Специальный доклад Рабочей палаты (нем. Arbeiterkammer) Австрии сделал неутешительный вывод относительно положения женщин на рынке труда: «ситуация, когда женщины за одинаковый труд получали меньшую по сравнению с мужчинами зарплату, почти не изменилась в последние годы» [AK Frauenbericht..., 2006, S.32]. Фактически политика «бирюзово-

---

¹ В Конституции Австрии сказано: «Мы заявляем о своей приверженности принципу равенства шансов мужчин и женщин, обоюдному уважению, равному доходу вне зависимости от пола».

² Коалиционное правительство АНП и АПС, сформированное канцлером В. Шюсселем (АНП).

синего» кабинета во многом была направлена на то, чтобы вернуть женщин к традиционным социальным ролям (мать, домохозяйка, хранительница очага) – втиснуть их в «прокрустово ложе» мировоззрения праворадикальных популистов и части консерваторов.

Ультраконсервативный взгляд АПС на семью и положение женщины проявляется и в вопросе о домашнем насилии, которое, по мнению глашатаев австрийских крайне правых, используется феминистскими организациями и левыми партиями в качестве «троянского коня», чтобы «подорвать» идеи брака, семьи, а вместе с ними и основы общества. «Очевидно, что за так называемой борьбой против домашнего насилия скрывается поход экстремистски настроенного феминизма против мужчин, семьи и брака», – сокрушался в 2009 г. Норберт Хофер, имеющий в своей партии репутацию «либерала» (цит. по: [Weidinger, Werner, 2017, S. 156–157]). Фактически австрийский «третий лагерь» и сегодня выступает за возвращение к патриархальной модели семьи эпохи Франца-Иосифа (1848–1916), безвозвратно канувшей в Лету.

При этом, несмотря на активную пропаганду мер по защите семьи в близких к АПС СМИ и социальных сетях, реальные действия партии значительно расходятся с ее риторикой. Так, в период нахождения у власти «бирюзово-синей» коалиции, правительство существенно урезало социальные расходы для многодетных семей.

Самый удачный ход, сделанный Австрийской партией свободы (как, впрочем, и многими ее коллегами по правому лагерю) на шахматной доске большой политики, – это увязывание традиционной антимигрантской риторики с защитой прав женщин. Несколько громких эксцессов предоставили австрийским крайне правым дополнительные козыри в разыгрывании антиисламской карты. Так, после нападений мигрантов на женщин в Кёльне в новогоднюю ночь 2016 г., один из лидеров АПС Г. Кикль патетически заявил, что эти события должны изменить представления европейцев [Weidinger, Werner, 2017, S. 158]. Но в действительности праворадикальные популисты Австрии и других европейских стран использовали инциденты в Кёльне не столько для защиты прав женщин, сколько для продвижения собственной политической повестки.

«Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт»)

Избрание М. Ле Пен новым председателем «Национального фронта» в 2011 г. знаменовало не только «смену вех» в крайне правом лагере Франции, но и его радикальное обновление. Действительно, новый лидер провела ревизию партийной программы и стратегии, а в 2018 г. сменила название партии на «Национальное объединение». Начатая Ле Пен политика «дедемонизации» партии привела к расширению ее электоральной базы. «Национальное объединение» все активнее претендует на то, чтобы занять место республиканцев, пребывающих ныне в глубоком кризисе. На этом фоне тем более удивительно, что гендерная политика французских праворадикальных популистов претерпела лишь небольшие косметические изменения.

Хотя из программы партии при М. Ле Пен исчезли требования о введении семейного избирательного права и проверке родителей, ее позиция относительно прав француженок едва ли радикально поменялась. Французские «новые» правые, как и их коллеги из АПС, стремятся подменить борьбу за права женщин борьбой «против исламизма, который посягает на их права» [Gutsche, 2018, S. 54], и борьбой с нелегальной миграцией. Реальные проблемы женщин (неравенство в оплате труда, дискредитация и т.д.) фактически остались за бортом партийного корабля «Национального объединения», взявшего прямой курс на Елисейский дворец.

«Мы в “Национальном фронте” любим Жанну д’Арк, поскольку она – героическая личность... При этом она не нуждалась в абсурдной гендерной теории, чтобы срезать волосы и надеть мужской костюм», – говорила некогда М. Ле Пен [ibid.].

Обрушилась ли «стена Иерихона»?

За последние десять лет крайне правый лагерь в Европе претерпел значительные метаморфозы, затронувшие и его стратегию, и его тактику. Стремясь пробить «стеклянный потолок», мешающий их продвижению к высшим уровням политической иерархии, праворадикальные популисты существенно обновили программный арсенал, включив в свою новую повестку и осуждение темных

сторон прошлого, и официальный отказ от расизма, и заявления о приверженности демократии. Не обошли стороной и женский вопрос, хотя данная тема никогда не была приоритетной для крайне правых партий.

Женщины-лидеры, такие как А. Вайдель, должны были символизировать модернизацию правого лагеря, а заодно привлечь голоса женского электората, чьим вниманием праворадикальные популисты ранее были явно обделены.

Однако в реальности увеличение количества женщин на руководящих постах в праворадикальных популистских партиях не привело к демократизации их гендерной политики. Как мы убедились, ни «Национальное объединение», ни Австрийская партия свободы, ни «Альтернатива для Германии», ни «Братья Италии» (не говоря уже об их братьях по оружию из стран Восточной Европы) не изменили свою позицию в отношении прав женщин: формально декларируя принцип равноправия полов, праворадикальные популисты в действительности выступают за сохранение традиционного патриархального порядка, при котором женщине отводится в первую очередь роль хранительницы очага и матери детей.

Исключением в риторике праворадикальных популистов стали лишь некоторые темы, такие как защита гражданок Европы от явных (или мнимых) посягательств мигрантов или эмансипация женщин из стран Магриба и Ближнего Востока (запрет на ношение хиджаба и т.д.).

«Стена Иерихона», благополучно пережив потрясения, не только не рухнула, но, благодаря вовремя проведенному косметическому ремонту, по-прежнему сохранилась.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Белинский А.В. (2022). Лилии могут прясть! Женское лицо праворадикального популизма // Европейская безопасность : события, оценки, прогнозы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 67 (83). – С. 24–31 [Belinsky A.V. (2022) Lilies can spin! The female face of right-wing populism [*Lilii mogut pryast'! Zhenskoe litso pravoradikal'nogo populizma*] // European security : events, assessments, forecasts / RAS, INION. – N 67 (83). – P. 24–31] (In Russian).

Ле Пен М. (2016). Сквозь враждебные волны. – Москва : Кучково поле. – 400 с. [Le Pen M. (2016). Against the tides [*Skvoz' vrazhdebnye volny*]. – Moscow : Kuchkovo pole. – 400 p.] (In Russian).

Abgeordnete : Frauen und Männer. (2021) / Deutscher Bundestag. – Berlin. – URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/abgeordnete/biografien19/mdb_zahlen_19/frauen_maenner-529508 (date of access: 12.08.2023).

AK Frauenbericht 1995–2005 : Arbeit-Chancen-Geld. (2006) / Kammer für Arbeiter und Angestellte für Wien. – Wien. – 96 S.

Amengay A., Durovic A. Mayer N. (2017). The impact of gender : on the Marine Le Pen vote // *Revue française de science politique* (English Edition). – Vol. 67, Issue 6. – P. 1–22.

Anteil der Frauen an den Mitgliedern der politischen Parteien in Deutschland am 31. Dezember 2021. (2023) // Statista. – Berlin. – 05.06. – URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/192247/umfrage/frauenanteil-in-den-politischen-parteien/> (date of access: 12.08.2023).

Das Parteiprogramm : Arbeit. Familie. Vaterland. (2013) / Nationaldemokratische Partei Deutschlands. – Berlin. – 52 S. – URL: <https://www.butenunbinnen.de/nachrichten/wahlprogramm-npd-bundestagswahl-100~download.pdf> (date of access: 12.08.2023).

Giger N. (2009). Towards a modern gender gap in Europe? A comparative analysis of voting behavior in 12 countries // *Social Science J. / Western Social Science Association*. – Amsterdam : Elsevier. – N 49. – P. 474–492.

Gutsche E. (2018). Triumph der Frauen : the female face of the far right in Europe / Friedrich Ebert Stiftung. – Berlin. – 138 S.

Grundsatzprogramm für Deutschland (2016) / Alternative für Deutschland. – Berlin. – 01.05. – URL: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm> (date of access: 12.08.2023).

Hofinger C., Ogris G. (1996). Achtung gender gap! Geschlecht und Wahlverhalten 1979–1995 // *Wahlkampf und Wählerentscheidung : Analysen zur Nationalratswahl 1995* / Zentrum für angewandte Politikforschung. – Wien. – N 11. – S. 211–232.

Mohr M. (2022). Wahlverhalten bei der Nationalratswahl in Österreich nach Geschlecht und Alter am 29. September 2019 // Statista. – Berlin. – 26.08. – URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/761882/umfrage/wahlverhalten-bei-der-nationalratswahl-in-oesterreich-nach-geschlecht-und-alter/> (date of access: 12.08.2023).

Moritz T. (2023). Sachsen : AfD-Kampagne gegen angeblichen «Genderwahn» an Schulen // *Freie Presse* – Berlin. – 10.05. – URL: <https://www.freiepresse.de/nachrichten/sachsen/sachsen-afd-kampagne->

gegen-angeblichen-genderwahn-an-schulen-artikel12862459 (date of access: 12.08.2023).

Scrinzi R. (2017). Gender and women in the Front National discourse and policy : from «mothers of the nation» to «working mothers»? // New formations. – London : Lawrence and Wishart. – N 91. – P. 87–101.

Umfrage wer wählte was? (2017) // Tagesschau. – Berlin. – URL: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2017-09-24-BT-DE/umfrage-werwas.shtml> (date of access: 12.08.2023).

Weidinger B., Werner K. (2017). «Finger weg von unseren Frauen!» : Männlichkeit, extreme Rechte und sexualisierte Gewalt // J. für Psychologie. – Berlin. – N 2. – S. 153–178.

Wer wählte was? (2021) // Tagesschau. – Berlin. – 27.09. – URL: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2021-09-26-BT-DE/umfrage-werwas.shtml> (date of access: 12.08.2023).

DOI: 10.31249/ape/2023.04.04

Belinsky A.V.¹, © Khorolskaya M.V.²
**«Perestroika» or tactics in the service
of strategy? Women's question in the
programmes and practices of right-wing
populists in the leading countries
of Western Europe**

Abstract. *The article examines the evolution of gender politics of right-wing populists in Western Europe. It is noted that initially the extreme right-wing forces took rather conservative positions with regard to gender relations, women's rights, etc. However, a number of painful electoral defeats and the arrival of a new generation of politicians have actually forced right-wing populist parties in the Old World to revise their programmes, including on gender issues. In an effort to win the hearts of the female half of the electorate, the «new» right-wing parties gave the green light to young female politicians,*

---

¹ **Belinsky Andrey Victorovich** – PhD in Political Sciences, Senior Researcher, INION RAN; belinskii_andrei@mail.ru

² **Khorolskaya Maria Vitalievna** – PhD in Political Sciences, Senior Researcher, IMEMO RAS; khrolskaja.marya@yandex.ru

who were supposed to symbolise the renewal of the right-wing camp and at the same time attract the votes of female voters. However, the actual gender policy of right-wing populists has hardly changed significantly. While recognising formal gender equality, the «new» right-wingers gloss over or deny the problems of discrimination against women (wage inequality, domestic violence, etc.). At the same time, it should be noted that the extreme right-wing parties of the EU often use the slogans of defence of women's rights to fight migration and political Islam. Thus, after the migrant attacks on New Year's Eve in Cologne in 2016, right-wing populist parties organised a noisy campaign in various cities against illegal migration and the policies of Chancellor A. Merkel.

Keywords: *right-wing populism, gender politics, women's rights, National Association, Austrian Freedom Party, Alternative for Germany.*

Статья поступила в редакцию (Received) 22.07.2023
Доработана после рецензирования (Revised) 24.07.2023
Принята к публикации (Accepted) 28.07.2023